

...И сказал ей бородатый главарь, увитый по лбу зеленой лентой, — тебе туда. И показал стволом автомата на горный склон — за ним ты найдешь своего сына.

Или то, что от него осталось.

Если дойдешь, конечно.

И замерли от этого жеста боевики, а в первую очередь те, кто устанавливал на этом склоне минное поле. Надежно устанавливал — для собственной же безопасности, туда-сюда, движение.

Разведка федеральных сил не прошла — откатилась, вынося раненых.

Попавшие под артобстрел шакалы, спасаясь от снарядов в ущелье, вырывались сюда на простор и на потеху Аллаху устраивали фейерверк на растяжках.

Пленные, что вздумали бежать, взлетели здесь же на небеса.

Сын? Нет, сына ее здесь нет, но они слышали о пленном русском солдате, который отказался снять православный крестик. Зря отказался — через голову и не стали снимать, делов-то — отрубили голову мечом, и тот сам упал на траву. Маленький такой нательный крестик на шелковой нитке, мгновенно про-

питавшейся кровью. Гордого из себя строил, туда-сюда, движение. А то бы жил. Подумаешь, без креста... Дурак. А похоронили его как раз там, за склоном. Иди, мать, а то ночь скоро — в горах быстро темнеет. Жаль только, что не дойдешь. Никто не доходил.

Пошла.

Пошла по траве, выросшей на минах, и среди тоненьких проводков, соединявших гранаты-ловушки. Вдоль израненных осколками кустарников. Вдоль желтеющих косточек чьих-то сынков, не вывезенных с минного поля ни своими, ни чужими. Собрать бы их, по ходу, раз она здесь, похоронить по-людски, с молитовкой, но она шла-торопилась к своему дитяти, к своей кровинушке, к своему дурачку, не послушавшему бандита. О Господи, за что? Ведь сама, прилюдно, надевала сыночку крестик на призывном пункте — чтобы оберегал. И видела ведь, видела, что стесняется друзей ее Женька, запрятав подарок глубоко под рубашку. Думала, грешным делом, что не станет носить, снимет втихаря.

Не снял...

А ей все смотрели и смотрели вслед те, кто захотел иметь собственное солнце, собственную личную власть, собственных рабов. Ухоженные, упитанные, насмешливые бородачи. Три месяца она, еще молодая женщина, ощущала на себе эти взгляды, терпела унижения, оскорбления, издевательства. Три месяца ее секли холодные дожди, от которых в иные времена могла укрыться лишь собственными руками. По ней стреляли свои и чужие: по одинокой незнакомой фигуре на войне стреляют всегда — на всякий случай или просто ради потехи. Она пила росу с листьев и ела корешки трав. Она давно потеряла в бо-

лоте туфли и теперь шла по горным тропам, по лесным чащам, по невспаханым полям босиком. Искла сына, пропавшего в чужом плену на чужой войне. Невыспавшейся переходила от банды к банде, голодной от аула к аулу, заоченевшей от ущелья к ущелью. Но знала: пока не найдет живого или мертвого, не покинет этой земли, этих гор и склонов.

«Господи, помоги. Дай мне силы дойти и отыскать. На коленях бы стояла — да идти надо. Помоги, Господи. Потом заberi все, что пожелаешь: жизнь мою заberi, душу, разум — но сейчас помоги...»

Сейчас, сейчас взлетит, туда-сюда, движение.

Живучая. Но здесь еще никто не проходил — ждали боевики, не спуская глаз с русской женщины и боясь пропустить момент, когда вздыбится под ее ногами земля, когда закончатся ее земные муки.

Не заканчивались. То ли небеса, оправдываясь за страшную кару, выбранную для ее сына, отводили гранатные растяжки, то ли ангелы прилетели от него, от Женьки, и подстилали свои крыла под растрескавшиеся, с запеченной кровью ноги, не давая им надавить сильнее обычного на минные взрыватели. Но она шла и шла туда, где мог быть ее сын, уходила прочь от главаря с зеленой лентой, исписанной арабской вязью. И когда уже скрывалась с глаз, исчезала среди травы, один из боевиков поднял снайперскую винтовку, поймал в прицел согбенную спину: прошла она — проведет других. Не взлетела — так упадет...

Но что-то дрогнуло в бородаче, грубо отбил он в сторону оружие и зашагал прочь, в ущелье, в норы, в темень. Он не угадал. А тот, кто не угадывает, проигрывает...

...А еще через два дня к боевому охранению пешотного полка вышла с зажатым в руке крестиком на шелковой нити седая старушка. И не понять было с первого взгляда, русская ли, чеченка?

— Стой, кто идет? — спросил, соблюдая устав, часовой.

— Мать.

— Здесь война, мать. Уходи.

— Мне некуда уходить. Сынок мой здесь.

Подняла руки — без ногтей, скрюченные от застывшей боли и порванных сухожилий. Показала ими в сторону далекого горного склона — там он. В каменной яме, которую вырыла собственными руками, ногтями, оставленными там же, среди каменной крошки. Сколько перед этим пролежала без памяти, когда отыскала в волчьей яме родную рыжую головушку, из-за которой дразнили ее Женьку ласково «Золотистый-золотой», — не знает. Сколько потом еще пролежала рядом с найденным обезглавленным телом ее мальчика — не ведает тоже. Но, очнувшись, поглядев в чужое безжизненное небо, оглядев стоявших вокруг нее в замешательстве боевиков, усмехнулась им и порадовалась вдруг страшному: не дала лежать сыночку с разбросанными по разным уголкам ущелья косточками...

...И выслушав ее тихий стон, тоже седой, задержанный противоречивыми приказами, обвиненный во всех смертных грехах политиками и правозащитниками, ни разу за войну не выпавшийся подполковник дал команду выстроить под палящим солнцем полк. Весь, до последнего солдата. С Боевым знаменем.

И лишь замерли взводные и ротные коробки, об-

разовав закованное в бронежилеты и каски каре, он вывел нежданную гостью на середину горного плато. И протяжно, хриплым, сорванным в боях голосом прокричал над горами, над ущельем с остатками банд, над минными полями, покрывшими склоны, — крикнул так, словно хотел, чтобы услышали все политики и генералы, аксакалы и солдатские матери, вся Чечня и вся Россия:

— По-о-олк! На коле-ено-о-о!

И первым, склонив седую голову, опустил перед маленькой, босой, со сбитыми в кровь ногами, женщиной.

И вслед за командиром пал на гранитную пыльную крошку его поредевший до батальона, потрепанный в боях полк.

Рядовые пали, еще мало что понимая в случившемся.

Сержанты, беспрекословно доверяющие своему «бате».

Три оставшихся в живых прапорщика — Петров и два Ивановых — опустились на колени.

Лейтенантов не было — выбило лейтенантов в атаках, рвались вперед, как мальчишки, — и следом за прапорщиками склонились повинно майоры и капитаны, хотя с курсантских погон их учили, что советский, русский офицер только в трех случаях имеет право становиться на колени: испить воды из родника, поцеловать женщину и попрощаться с Боевым знаменем.

Сейчас Знамя по приказу молодого седого командира само склонялось перед щупленькой, простоволосой женщиной. И оказалась вдруг она вольно или невольно, по судьбе или случаю, но выше

красного шелка, увитого орденскими лентами еще за ту, прошлую, Великую Отечественную войну.

Выше подполковника и майоров, капитанов и трех прапорщиков — Петрова и Ивановых.

Выше сержантов.

Выше рядовых, каким был и ее Женька, героических дел не совершивший, всего один день побывший на войне и половину следующего дня — в плену.

Выше гор вдруг оказалась, тревожно замерших за ее спиной и слева.

Выше деревьев, оставшихся внизу, в ущелье.

И лишь голубое небо неотрывно смотрело в ее некогда васильковые глаза, словно пыталось насытиться из их бездонных глубин силой и стойкостью. Лишь ветер касался ее впалых, обветренных щек, готовый высушить слезы, если вдруг прольются. Лишь солнце пыталось согреть ее маленькие, хрупкие плечи, укрытые выцветшей кофточкой с чужого плеча.

И продолжал стоять на коленях полк, словно отмаливал за всю Россию, за политиков, не сумевших остановить войну, муки и страдания всего лишь одной солдатской матери. Стоял за ее Женьку, рядового воина с золотистыми волосами. За православный крестик, тайно надетый и прилюдно не снятый великим русским солдатом в этой страшной и непонятной бойне...

— Господа, третий тост за дам.

— За дам, господа. За любовь.

— Господа, господа, я с вами...

Им нравилось это слово — «господа», нравилось произносить его без оглядки, без иронии, без подтекста. И слышать в ответ уже применительно к себе...

— Генерал, какой вы весь из себя легендарный и невозможный. Сколько наград...

— Пропустите меня к генералу. Дама хочет к настоящему генералу, пропустите...

К военным слово «господин» еще как-то не подходило, оно не то что не прижилось, а просто казалось инородным. Вот спрятаться за общий тост «господа офицеры» — это да, это красиво, это из времен белой благородной гвардии. Но обратиться конкретно и непосредственно к знакомому человеку в погонах — «господин генерал...». Нет-нет, слишком высоко. Это получается даже выше, чем «господин Петров», «господин Сидоров», что совершенно недопустимо: корпоративная вечеринка — это не армия, и генерал изначально не может быть выше присутствующих на ней. Хотя бы еще и по простой до банальности причине — он пьет-гуляет на деньги этих самых петровых и сидоровых. Оттого и окликали единственного на вечеринке военного только по званию, как собачку — по кличке.

Тем не менее его погоны и украшенная наградами грудь вкупе со статностью и молодостью эффект среди женщин производили, и ему ничего не стоило увести в танцах дам от банкиров, дипломатов и промышленников.

— Маратыч, а что у тебя делает на фуршете он? — оставшись благодаря стараниям генерала в одиночестве, поинтересовался промышленник у толстенького, в круглых очочках, словно только сошедшего с советских карикатур на американских толстосумов, банкира.

— Ищет деньги, — простодушно ответил тот, жестом приглашая собеседника в угол, где на малахитовом столике с изогнутыми ножками стояла шахматная доска. Все знали о пристрастии хозяина к древней игре, но напрягать мозги во время отдыха не желали и потому старались избегать банкира, невольно оставляя его в одиночестве в собственном же доме на собственном вечере.

— Забавно, — машинально поправляя головки резных фигурок, проговорил промышленник. Он являл полную противоположность собеседнику — был высок, молод, энергичен и жаждал побед мгновенных, чего шахматы как раз и не предполагали. Потому и продолжал разговор о генерале, а не о предстоящей игре. — Но, насколько мы знаем, деньги нужно зарабатывать.

— Цель благородна, Вася-Вася-Василек, свет Юрьевич, — собрать средства на обустройство в Чечне своих подчиненных, — пояснил Маратович. — Начинай.

— Ну, тогда и надо ходить с протянутой рукой, а не вальсировать, — проговорил Василий Юрьевич, когда танцевальная пара оказалась рядом. Владелец

яхт, самолетов, металлургических заводов и ткацких фабрик, забыв о шахматах, выпростал в ее сторону рюмку с коньяком: — О, генерал! Сколько наград! Это, брат, надо уметь, — обратился то ли к банкиру, то ли к самому гостю, — не ступив ни разу за пределы Отечества, в борьбе с собственным народом за-получить такой боевой иконостас.

Намек шел, конечно же, в сторону Чечни, среди либеральной интеллигенции слывшей несчастной бедной овечкой, которую терзали кровожадные российские вояки. К тому же фуршеты среди элиты отличались не только своей запредельной хлебосоольностью, но и возможностью демонстрировать, кто чего стоит, кто на какой ступеньке общества стоит, кто чего может себе позволить.

Так что генералу оставалось подобострастно улыбнуться и начать извиняться сразу за все прегрешения человечества со времен казни Христа.

Однако проситель остановился, перехватил официанта с подносом, снял рюмку. Вокруг мгновенно образовалась толпа: фуршеты славны еще и тем, что на них обязательно кого-нибудь прилюдно опускают. Потому как забавно и весело. Потому как чем меньше народу вверху, тем легче удержаться на вершине самому. Генерал по армейской тупости не признал руку хозяина, с которой кормился. И тоже громко, для всех, посмел высказать свою точку зрения:

— Одно уточнение. Войны, как правило, развязываются из-за алчности вас, гражданских. Так что мы, судя по всему, и в ближайшем будущем без орденов не останемся. К сожалению.

Выпил, вернул рюмку безучастному официанту.

Собеседник согласился с этим неожиданно быст-

ро, но лишь для того, чтобы остановить противника и не оставить за ним последнее слово:

— И это, заметьте, при том, что кто-то из ваших подчиненных сейчас лежит под пулями, а вы, извините, почти во фраке...

— Да-да, именно в этот момент, когда вы пьете здесь коньяк, а ваши рабочие по колено в грязи качают вам в Сибири нефть, — перебив, завершил фразу генерал.

Кивнув для приличия, он увел в танце сквозь напрыгшую толпу свою партнершу. Дама, в отличие от кавалера, накалившую атмосферу почувствовала покрывшейся пупырышками кожей и благоразумно стала ускользать из его рук, вырываясь в общую стаю. Фуршеты — это в первую очередь демонстрация преданности, а не вызов обществу. Тем более для дам с обручальными колечками на левой руке...

— Так что он здесь забыл? — вновь поинтересовался Василий Юрьевич у хозяина вечера, не скрывая раздражения.

— Деньги, — не посчитал зазорным повторить сладкое слово финансист, теперь уже жестом предлагая собеседнику продолжить наконец игру.

— А гонора столько, будто он их раздает сам, — не желал мириться с проигрышем Василий Юрьевич, занимая место у белых фигур. Двинул пешкой, как Остап Бендер, — с Е-2 на Е-4. — Надеюсь, ты улавливаешь разницу?

— Не кипятись, мой юный друг, — успокоил толстяк и, двинув своего коня, теперь уже снисходительно сам похлопал собеседника. А поскольку тот был высок, а хозяину тянуться до плеча гостя не пристало, получилось — едва ли не ниже талии. — Со дня на день начнутся переговоры по прокладке

нефтепровода, а нам оперативные данные из Генерального штаба по Северному Кавказу не помешают.

— Дает?

— Пока нет. Мы намекнули, что можем услуга за услугу, — он потер пальчиками, изображая купюры, — но не доходит.

— Интересно... — перевел Василий Юрьевич взгляд с доски на оставшегося наконец без внимания генерала, который не отпускал от себя официанта с полным подносом стопок. Улыбнулся чему-то тайному: — А знаешь, это было бы даже полезно для общества — яркий пример, героизм... Да-да!.. И, как ни странно, небольшой скандалчик со стрельбой на Кавказе и нам бы оказался как нельзя кстати. Особенно во время переговоров. — Он задвигал фигурами почти в том же темпе, что и обладатель черного поля.

— Правительство не откажется от своего, сухопутного проекта. Он дешевле. Шах.

— Но если не возьмем путепровод мы, налетит эта свора, — в традициях лучших шпионских фильмов стрельнул глазами по гостям Василий Юрьевич. При этом улыбаясь и раскланиваясь с теми, кто заметил его взгляд. — А генерала можно подыскать и другого. Желательно подыскать другого. Другие — они всегда есть. И — личная просьба, Борис Маратович. Там юго-восточнее Грозного небольшой заводик по бензину работает, Рустам хозяин. Мелочовка, пшик, но в конкурента вырос для брата одного моего хорошего друга. — Словно подчеркивая значимость чеченца, он взял и повертел в руках не задействованную доселе фигуру офицера. И чтобы уже не опускать ее без дела, переместил на несколько клеток. — И ни война, ни зачистки его не затронули. Не

им же самим между собой разбираться, да? Кровную месть плодить. А войск в окрестностях полно, и кого им проверять, чей нефтезавод закрывать — никакой разницы, — глянул Василий Юрьевич на оставшегося в полном одиночестве, даже без официанта, генерала.

— Цена стоит того?

— Обещание другу стоит своей цены.

— Наше здоровье. Но при этом тебе мат, Вася-Вася-Василек.

2

— Взвод, привал.

Три «коробочки» с десантными эмблемами на броне заклинили свои гусеницы в том месте, где застала команда.

И если уж бронетехника боялась коснуться пределов асфальтового полотна, то солдатам за ним вообще делать было нечего: ноги — не траки, при подрыве запасные со склада не выдаются. Спрыгивали, разминаясь, на проезжую часть, благо она мгновенно пустеет при появлении бронеколонны. На обочину не сходили, обочины во время войны слишком привлекательны для мин и фугасов. Это на гражданке, в мирной жизни, романтично собирать сбочь дорог грибки да полевые цветочки. В Чечне лучше вообще поджать, как аист, ногу, чтобы занимать как можно меньше места...

— Москвич, Бураков, — замкомвзвода Юра Алмазов показал пальцами в противоположные стороны.

Варежки, привязанные резиночками к рукавам бушлата, закачались, но улыбки не вызвали. Все знали, что сержант обморозил руки, вытаскивая по сне-

гу погибшего друга. После госпиталя мог не возвращаться в Чечню, но — вернулся. С орденом Мужества и привязанными, словно у растеряш в детсаду, варежками. Что не мешало ему драться подчиненных как сидоровых коз. Потому и названные десантники, выставив напоказ страдальческие выражения на лицах, зашагали в голову и хвост колонны.

— Дембельнись, заведу кота, назову Сержантом и каждое утро буду наступать ему на хвост, — не особо опасаясь, что услышит командир, произнес Москвич.

Герою замкомвзвода должное отдавал, но почесать при всех язык о самые острые углы — тоже чем не подвиг для молодого «черпака»? В то же время автомат на изготовку взял, сектор обстрела оглядел. Первая заповедь остановившейся воинской колонны — защита от внезапностей, от кого бы они ни исходили.

— Так кого ты там заведешь на гражданке? Если, конечно, дотянешь до дембеля? — поинтересовался сержант, подходя к Москвичу.

Глазами подчиненного осмотрел его зону ответственности, счел нужным указать на кустики вдали. Прицельного огня из-за дальности расстояния оттуда не откроют, но задача проверяющих в том и состоит, чтобы не давать расслабляться часовым.

— Бабу заведу, товарищ сержант. Первым делом — бабу.

— А вторым?

— Вторым... Вторым — опять бабу.

— А третьим, — не отставал Алмазов, желая получить ответ про кота.

— Не, мужика не буду, — игриво-испуганно отстранился часовой. — Мне с мужиками как-то не то-

го... Мне из голубого нужны только десантный берет на голову да тельняшка на грудь.

— Много знаешь, слишком говорливый, — обозначил сразу все явные недостатки подчиненного замкомвзвода, пряча розовые пальцы в варежки. — Лучше нохчей стереги.

— Никак нет, товарищ сержант, я лучше буду стеречь свой родной взвод, — поправил речь замкомвзвода солдат. — И если потребуется, я, как Зоя Космодемьянская, грудью на амбразуру...

Рванул дурашливо бушлат, обнажая тельняшку, зыркнул по буеракам, отыскивая вражеские пулеметы. Сержант некоторое время соображал, насколько грубо подчиненный нарушил субординацию, но углубляться в устав, историю и русский язык не стал. Направился к Буракову, мечтательно глядевшему вдаль. Виделись ему явно не чеченские холмы, но упрекать солдата сержант не стал. Будь у самого личное время, тоже прокручивал бы в памяти воспоминания о недавнем отпуске по обморожению и встрече с невестой, ставшей перед возвращением в часть законной женой.

«Служил бы поближе, каждый день бегал бы к тебе в самоволку».

«Ты не о самоволках думай, а чтобы жив остался».

«О, там такие офицеры — сами быстрее под пулю станут, чем нас под нее выставят».

«Им тоже не надо становиться».

«Не получится. Кому-то все равно придется», — сказал, как о чем-то само собой разумеющемся и обыденном на войне. А скорее, набивал себе цену и хотел, чтобы лишний раз пожалели и восхитились. Потом уже хлопнул себе по языку и губам, да было поздно: в первом после отпуска бою погиб лейте-

нант Забашта, который закрыл-таки собой связиста. Неправильная война шла в Чечне: не солдаты прикрывали командиров, а офицеры своих подчиненных.

— Ну что, Степа? Тихо?

— Так точно, — вернулся от воспоминаний к своим обязанностям Бураков.

— На войне тишину любить нельзя. Тишина дает возможность противнику к чему-то подготовиться, — повторил сержант слова Забашты, еще недавно сказанные ему самому лейтенантом. — Бди.

— Бдю.

— А на Москвича не обращай особо внимания, — посоветовал Юра скорее себе, чем солдату, которого Москвич особо и не затрагивал. — Ну не повезло человеку — в Москве родился. Ничего, после первого же боя гонор сбросит.

— Да я и не в обиде на него, — отмахнулся Степан.

— И правильно. А я, черт побери, в Москву из своей Сибири так и не вырвался ни разу. На дембель буду ехать — остановлюсь обязательно. Говорят, сейчас там как за границей.

— По сравнению с нашей брянской деревней — точно за граница. Я был, картошкой хотел там торговать — погнали, как порося с чужого огорода. А здесь надолго каша, товарищ сержант?

— А ты что, спешишь куда?

— Да у мамки в августе юбилей, хотел бы попроситься в отпуск. А отсюда, если будем воевать, не пустят.

— Будем надеяться, что к лету все закончится. Кому она нужна, эта драчка? Только курам посмеяться. Так что будем надеяться. А пока смотри в оба.

Собственно, можно было уже и не смотреть. Командир взвода капитан Месяцев сворачивал в гар-

мошку карту и передавал в люк «бээмдэшки» шлемофон, соединенный шнуром с радиостанцией. Взвод, скорее всего, и разрешение на привал получил только потому, чтобы капитану легче было сориентироваться по карте и местности. И не пропустить ничего из приказа в паршивой связи.

Сержант с разбегу впрыгнул на острую ребристую грудь боевой машины десанта, как под балкой, поднырнул под стволом и оказался рядом с сидящим на башне капитаном. Тот зажигалкой выбивал морзянку на сигаретной пачке и отдавать приказ на посадку не торопился. Значит, догнавшее их на марше указание не срочно. А вот что командир забыл закурить — это хуже: желание затянуться у курильщика может перебить только чувство растерянности. Забашта бы сразу знал, что делать, у того не заржавело бы. А зажигалка у капитана классная — с маленьким орденом Красной Звезды на боку. Говорят, сам комдив подарил ему за какой-то бой...

— Юра, сколько у нас необстрелянных бойцов? — то ли поглаживая пирамидальные усики, то ли прикрывая для конспирации ладонью рот, тихо спросил Месяцев.

Капитан получил взвод всего неделю назад, но солдатский телеграф мгновенно донес суть приказа: это его понизили, сняв за какую-то провинность с роты. Потом подошло добавление — отказался подставлять под пули солдат. Уточнение оказалось существенным и определяющим, чтобы взвод проникся уважением к стриженому крепышу, колобком катающемуся между палатками, парком боевых машин и штабом. Нет, память о Забаште не предавалась, и любой шаг, любое слово нового взводного оценива-

лось все еще по единственному критерию: а как бы это же самое сделал лейтенант?

Месяцев не торопился набиваться в отцы-командиры, но на эту рядовую, будничную в общем-то зачистку напросился сам, желая побыстрее и почувствовать боевой опыт и слаженность подчиненных и заодно встряхнуть их, дни и ночи напролет грустивших о погибшем лейтенанте. Дальше воевать-то все равно вместе.

Только одно дело, думал сержант, — прокатиться по дорогам и оглядеть два-три дома, а другое... О другом пока ничего не известно, но капитан барабанит зажигалкой и задает плохие вопросы про боевой опыт.

— Чтобы необстрелянных совсем — всего человек пять. Бураков вон, Москвич, — кивнул он на часовых. И стал оправдываться: — Вы не думайте, что я их третирую. Лейтенант Забашта... ну, наш взводный... до вас который... — запутавшись в симпатиях и обязанностях, Алмазов от волнения даже снял vareжки. — Короче, лейтенант всегда требовал их нагружать, чтобы быстрее входили в курс дела и не расслаблялись... А что, приказ какой, товарищ капитан?

— Чтобы просто поинтересоваться нашим настроением, для этого на связь, как ты понимаешь, не выходят, — кивнул Месяцев на люк, в котором скрылся шлемофон. Закурил, возможно за своими мыслями и не заметив заминку заместителя. — Сменили нам район зачистки, идем на юго-восток от Грозного. А сведений о нем — с гулькин нос. Знаешь, какой он длины, гулькин нос? — Можно было не отвечать: капитан с таким же успехом мог разговаривать сам с собой, выходя таким образом из ступора, в который его ввел приказ. — На войне гуль-

кин нос — он меньше человеческой жизни, Юра, — сам же и пояснил комвзвода.

Оглядел успевших перекурить и теперь просто разминавшихся десантников. Несмотря на капитанские звездочки на плечах, он был им почти ровесником и бриться мог, как и они, через день. Просто звания прилетали досрочно, и по должностям пробежал так, что в какой-то момент оказалось: его однокашники сидели еще на взводах и только-только привыкали к третьим звездочкам на погонах, а он уже получал задачи за роту и примерялся к клубу старших офицеров.

Блата и высоких покровителей у него не имелось отродясь, просто сослуживцы сидели во внутренних округах, на службу ездили в городских автобусах, а он неделями, не снимая бронежилета, мотался по «горячим точкам». Да так мотался, что невеста перестала верить, будто нельзя найти минуту свободного времени и написать хотя бы пару слов. Или позвонить.

Для пары слов требовались как минимум авто-ручка, чистый клочок бумаги и конверт, которого днем с огнем на заставах и блокпостах не сыщешь. Появившиеся кое у кого пейджеры и мобильники брали связь только в одном месте, пристрелянном боевиками так, что сразу после слова «здравствуй» можно было говорить «прощай».

Теперь, после снятия с должности, появилось и время для писем, и возможность сходить на узел связи и уговорить девочек набрать городской номер в Пскове, да только писать и звонить оказалось некому. Бог и дает сразу двумя руками, двумя руками же и отбирает...

— По машинам! — отдал команду капитан.

— Команда «По машинам!», — продублировал сержант, прекрасно понимая нежелание десантников лезть на броню в числе первых. Именно первым придется, освобождая места для других, гусеницей переваливаться внутрь боевой машины, забиваться там в грохочущие углы. А вот последним — да, останется местечко на броне, где вольный ветер и хоть какое-то разнообразие в жизни. Да и опыт подсказывал: уж лучше схватить пулю наверху, чем оказаться разорванным внутри при подрыве на фугасе.

Так что дембеля ждали молодых — Москвича и Буракова, которые тоже, не будь дураками, расставаться с постом не торопились и уж тем более не проявляли прыти при возвращении к бронеколонне. А тут еще батальонный фельдшер прапорщик Григорий Иванович, всю дорогу отсыпавшийся внутри «бээмдэшки», отглядел последний сон и вылез наверх, освободив на лавке сразу три дополнительных трюмных места.

— Что мы имеем? — разминая застывшее тело, поинтересовался он у командира. И сам же, широко зевая, ответил словами задолбавшей даже в Чечне рекламы: — Хорошо иметь домик в деревне.

— Товарищ прапорщик, вы внизу будете ехать? — с тайной надеждой поинтересовались дембеля, поторапливая часовых.

— Хренушки вам, — ласково улыбнулся в ответ прапорщик. Вытянул наверх подушку, взбил, подложил под себя. Поднял ноги, пропуская внутрь люка Москвича. Ими же нажал ему на плечи, заставляя солдата быстрее определяться в тесноте машины. — Что тут у нас? — повернулся он к командиру.

— Новый район на зачистку. Незаконное производство бензина.

— А кто мне покажет, где оно здесь законное? — пожал плечами фельдшер и вновь раззевался.

Капитана потянуло зевнуть вслед за ним, но он сдержался, отвернулся, чтобы не поддаваться соблазну. Посмотрел на часы, на переваливающее через зенит еще нежаркое мартовское солнце и махнул рукой:

— Вперед.

Вернул себе шлемофон, зажал у горла ларингофоны. Приказал первой «коробочке» пропустить его вперед. Ловить на себя фугасы командиру негоже, но и плутать по бесконечным сельским дорогам, размножившимся с войной многократно, времени особо не оставалось. Командир первого отделения сержант Аркаша Яровой проводил застывшего на броне капитана настороженным взглядом: не доверяете? Месяцев махнул рукой: не заморачивайся, следуй за мной.

3

Ехали, по здешним меркам, недолго, но когда свернули на расколошмаченную вдрызг колесной и гусеничной техникой полевую дорогу, то просто-напросто поплыли в густой коричневой жиже, лишь изредка цепляя траками землю. На обочины можно было вообще не смотреть: распаханное еще осенью под яровые поле набухло влагой настолько, что земля казалась пульпой, лишь чуть-чуть покрытой пленочкой, нагретой первым солнышком. И чем дальше оставалось асфальтовое покрытие трассы с его возможностью маневра и скорости, тем тревожнее оглядывал окрестности взвод капитана Евгения Месяцева.

— Предлагаю, — прапорщик не смог дотянуться

до уха капитана и поманил командира пальцем, благо возраст позволял. — Предлагаю, — шепотом повторил он, отсекая свидетелей, — проскочить дере-
вущку и забыть о ней навсегда. Так же, как уже за-
были о ней те, кто отдал приказ ее почистить, — со
знанием дела разложил фельдшер по полочкам
предстоящую операцию.

Впрочем, особой новизной предложение прапор-
щика не отличалось. Оно лишь замыкало длинную
цепочку отношений чиновников всех рангов от Мо-
сквы до Кавказа. Судя по нелепым приказам, прихо-
дившим из столицы, обитатели Кремля, наверняка
не имеющие перед глазами даже карты мятежной
Чеченской Республики, при отдаче распоряжений
просто тыкали пальцем в небо — лишь бы у гаранта
конституции Б.Н. Ельцина не исчезла иллюзия
борьбы с сепаратистами. Которую они с недавним
корешом Джориком Дудаевым назло друг другу са-
ми же и затеяли.

Генштаб, мечущийся между политиками в Крем-
ле, Белом доме и Госдуме, уговаривал подчиненных
на Северном Кавказе делать хоть что-нибудь. Или
это же самое не делать ни при каких обстоятельст-
вах: в зависимости от того, кто первым подбежал к
уху президента — олигархи, правозащитники или
американские советники, которых только в прави-
тельстве насчитывалось более двухсот человек.

Командование группировки, спасая людей и ос-
татки былого авторитета армии, закрывало на игры
москвичей глаза и не требовало жесткого и безус-
ловного исполнения собственных же приказаний,
уходящих в войска.

Войсковые командиры действовали на свой страх
и риск, за одни и те же операции получая кто орде-

на, кто выговоры. На коне оставался тот, кто вообще ничего не делал. При этом, правда, молодцы Дудаева с каждым днем чувствовали себя все вольготнее и наглее на просторах теперь уже всей России, а не только на ее южных рубежах.

Проклятые девяностые, когда власть бросила на произвол судьбы страну вместе с собственным народом. Не говоря уже об армии, которой по определению как бы даже и роптать не было позволено...

Месяцев, правда, однажды взбрыкнул, устав бегать со своей ротой в одну и ту же станицу, раз за разом оставляя на ее улицах подбитую технику и солдат. Но едва укреплялся в ней, следовал неизменный приказ — вернуться на базу. Отступая с господствующих высоток по знакомым до последней выбоины дорогам, матерился. Потом писал «похоронки» и с тревогой ждал очередного приказа.

И он следовал — вновь взять станицу и закрепиться! Брал. Вернуться в исходное положение! Возвращался. Командир полка, отдавая новые-старые приказы, уже старался не поднимать головы от карты. Капитан даже успел за это время рассмотреть сквозь зарождающуюся лысину подполковника родинку между двумя его макушками. Будет счастлив между первой и второй женитьбой? А у него со Светой дальше поцелуев дело так и не зашло...

Но однажды после приказа Месяцев остался стоять на месте.

— Что? — прекрасно догадываясь, что подчиненный просит хоть каких-то объяснений, тем не менее поинтересовался комполка. Заранее багровея.

— Я больше туда людей не поведу.

— Капита-а-н! — взорвался подполковник, сам перед этим наверняка налаявшийся с Москвой и

Моздоком, где стоял штаб группировки. Но чтобы его перебивал каждый командир роты... — Ты пойдешь туда, куда я прикажу. И когда прикажу!

— Не пойду.

— Пойдешь. Или пойдут другие. Но вместо тебя.

— Ради бога.

— Во-он!

Вышел. Даже не став хлопнуть пологом штабной палатки — за него это сделал ветер, пытающийся снести ее, уцепившуюся металлическими штырями за склон безымянной чеченской горушки. А ведь сметет. С такими приказами и распоряжениями, поступающими в войска, — сметет не то что палатки, а все полки и дивизии. И лучшее тому подтверждение — что он все равно едет на боевые. Но уже в ранге командира взвода...

На горизонте показались пацаны на лошадях, оглядели колонну — и рысью направились в станицу. Тут ни академий, ни военных училищ оканчивать не надо, чтобы понять: при нынешних возможностях связи о приближении бронегруппы станет известно самому распоследнему боевику раньше, чем они выплывут из грязи на сельскую улицу. Пора было привыкнуть и к тому, что здесь воюют не разношерстные банды, а хорошо обученные и экипированные под завязку всем необходимым отряды. Слишком многим вдруг оказалось выгодно, чтобы Россия увязла в этой войне, как можно дольше не вставала с колен после распада СССР. В качестве раздражителя и пушечного мяса подставилась Чечня — ее, дурочку, и используют. И жаждут этого не только пресловутые империалисты за рубежом: золотую рыбку легче оказалось ловить в мутной воде как олигархам

в Москве, так и новоявленным атаманам в Грозном. Правозащитникам, обрабатывающим подачки.

Не утверждал бы это голословно капитан, если бы однажды не стал участником мерзкой картины. Одна из солдатских матерей, исходившая все ноги в поисках сгинувшего в плену сына, бросилась к депутату Государственной думы — вечно непричесанному, трясущемуся, в линзах-очках, к которому Месяцева со взводом и приставили помогать перемещаться по Чечне: спасите!

— А зачем ты приехала сюда? — отстранился тот от русской женщины, демонстративно отходя к женщинам чеченским. И тем самым проводя между ними еще большую черту, хотя твердил на всех углах и во все микрофоны корреспондентов о своей поездке как миротворческой. — Ты же вырастила убийцу.

«Убийцей» оказался Женя Родионов, который не сделал на Кавказе ни одного выстрела, но которому бандиты отрубили голову только за то, что он отказался снять православный крестик...

Так что плевать было подобным правозащитникам и политикам на растущие как грибы после дождя могилы: смерть подданных всегда использовалась ими для пополнения политического капитала, а восстановление самими же разрушенного — капитала финансового. Дракулы. Это потом, когда, даст бог, все же станут искать виноватых, они просто вовремя отойдут в сторонку и сами громче всех закричат «Держите вора». Но после той сцены с солдатской матерью и непрерывных штурмов одного и того же аула Месяцев и закусил удила...

— Не надо, — стопроцентно уверенный в своей правоте, вновь помотал головой фельдшер, когда

СОДЕРЖАНИЕ

ЗОЛОТИСТЫЙ-ЗОЛОТОЙ (<i>Песнь</i>).....	5
ЗАЧИСТКА (<i>Повесть</i>).....	13
БЕЛЫЙ ТАНЕЦ (<i>Повесть</i>).....	87
«ТРЕХСОТЫЕ» (<i>Повесть</i>).....	237
ПОМЯНИ, ГОСПОДИ (<i>Песнь</i>).....	343